

УДК 821.161.1 "19/20"

## ПРИТЧЕВОСТЬ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИНЦИП В ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «ОТСТАВШИЙ»

© Татьяна Васильева-Шальнева

### PARABLE AS A STRUCTURAL PRINCIPLE IN V. MAKANIN'S NOVEL "THE STRAGGLER"

Tatiana Vasilieva-Shalneva

This article discusses the parable as a principle of design in V. Makanin's novel "The Straggler". The study of this work has been undertaken due to insufficient knowledge concerning the structural originality of its plot and genre. The work reveals two trends of parable structures ("centrifugal" and "centripetal" and identifies two types of story – "the experiment story" and "the story of sacral behavior"). It also reveals the parable origin in terms of structuring the phenomenological "I", as well as the dynamics of the self-identification process from the symbolic phase to the real one. The parable-like design determines the structural and semantic peculiarity of the novel (at the level of the plot and compositional organization, the specificity of the chronotope, the typology of the character images and the function of the semantic components in the conceptsphere (social, historical, mystical, mythological, existential), reconstructed in the research process of the work. The article focuses on the genre-composition analysis of V. Makanin's novel "The Straggler" to identify its basic content and poetic aspects. The study is based on historical-literary, socio-historical and cultural-linguistic contexts as well as on the scientific achievements of the leading experts in the theory and history of literature, taking into account the controversial concepts on the problem of literary genres (the correlation of the terms "притча (parable)"/ "притчевость (parable-like approach)", etc.).

*Keywords:* parable design, ambivalence, sacrality, symbolic self-identification, psychological model.

В данной статье рассматривается притчевость как принцип конструирования повести В. Маканина «Отставший». Обращение к исследованию данного произведения обусловлено его недостаточной изученностью как в плане сюжетно-композиционного своеобразия, так и с точки зрения жанровой специфики. В произведении раскрываются две тенденции функционирования притчеобразных конструкций («центробежная» и «центростремительная»), выявляются два типа сюжета («сюжет эксперимента» и «сюжет сакрального поведения»), раскрывается притчевое начало в аспекте феноменологического структурирования «я», а также динамика самого процесса самоидентификации личности от символической фазы к реальной.

Притчеобразная конструкция определяет структурно-семантическое своеобразие повести: на уровне сюжетно-композиционной организации, специфики хронотопа, типологии образов-персонажей, функционирования смысловых компонентов в реконструируемых в процессе исследования концептосферах произведения (социальной, исторической, метафизической, экзистенциальной). В статье доминирует жанрово-композиционный анализ повести В. Маканина «Отставший» с целью выявления основных содержательных и поэтических аспектов; для исследования используются историко-литературный, социально-исторический, культурологический контексты. Данное исследование базируется на научных достижениях ведущих специалистов по теории и истории литературы с учетом дискуссионных концепций по проблеме литературных жанров (родовидовая корреляция терминов «притча» / «притчевость» и т. д.).

*Ключевые слова:* притчевая конструкция, амбивалентность, сакральность, символическая самоидентификация, психологическая модель.

Творчество В. С. Маканина составляет одну из ярких страниц современной отечественной литературы. Значительный вклад в изучение его произведений внесли многочисленные и разноаспектные публикации исследователей А. Агее-

ва, В. Бондаренко, Н. Ивановой, М. Липовецкого, И. Роднянской, диссертации С. Мотыгина, В. Переваловой, Е. Дмитриченко, Т. Чуряевой, Т. Марковой, Т. Климовой, К. Шилиной и других ученых. Вместе тем некоторые произведения пи-

сателя остаются не вполне изученными. К такому, на наш взгляд, относится повесть В. Маканина «Отставший» (1987).

Эта повесть представляет собой произведение, в котором выделяются три сюжетно-событийных плана: ретроспективный – повествование рассказчика о своей первой любви (в контекст этого сюжета включается и история творческого самовыражения героя), событийный план настоящего, в котором представлен биографический срез судьбы героя-рассказчика (его профессия, семейное положение, родственные и дружеские связи и т. д.) и включен «онирический» сюжет (воспроизведение болезненных сновидений отца героя), «легендарный» план, включающий в себя уральское сказание о Лешке-золотоискателе.

Композиционно эти планы объединяет, во-первых, образ рассказчика, вспоминающего о своем прошлом и анализирующего это прошлое. Кроме того, рассказчик постоянно обращается к старинной уральской легенде о Лешке-золотоискателе (именно сюжет этой легенды становится основой его повести о жизни и любви, написанной, но не изданной). Эти сюжетно-событийные планы повести объединяются, во-вторых, семантически: мотивом отставания. Этот мотив вообще характерен для творчества писателя. Как отмечает исследовательница Т. Климова, «реконструкция авторского самоощущения дает основание рассматривать в качестве мотива устойчивую психологическую модель отставания: от времени, от социума, от себя („Голоса“, „Отставший“, „Портрет и вокруг“, опосредованно – „Удавшийся рассказ о любви“»)» [Климова, с. 14].

В рассматриваемой повести этот мотив прежде всего структурирует сюжет уральской легенды о Лешке-золотоискателе. Героем этой легенды является мальчик (далее – подросток, юноша) Лешка; его внешний облик вызывает жалость: он физически слаб, беспомощен, пуглив, с изуродованными, перебитыми руками:

Леша-маленький был среднего роста. Даже чуть длинный (уже тянущийся подросток), худой, с красивым лицом, прямым носом, спадающими вперед светлыми волосами, с малым числом зубов и заикающийся, хотя и несильно. Первые, начальные слова он выговаривал с запинкой [Маканин].

Подобный образ вообще характерен для прозы В. Маканина: «„пойдя в рост“ уже с первых литературных опытов („Безотцовщина“, „Рассказ о рассказе“, „Голоса“, „Отдушина“, „Отставший“, „Портрет и вокруг“), сюжет с ребенком в дальнейшем творчестве приобретает определенность христианской или мифологической симво-

лики („Гражданин убегающий“, „Утрата“, „Лаз“, „Асан“»)» [Климова, с. 14].

Лешка наделен чудесным даром «чувствовать» месторождения золота. Этот его дар беспощадно эксплуатируется артельщиками: они специально оставляют Лешку, якобы уходя вперед, в то время как их истинная цель заключается в том, чтобы идти вслед за ним; Лешка же, мучаясь от одиночества, в ужасе пытается их догнать. Возникает смысловая перекодировка: отставший становится ведущим, определяющим траекторию и конечную цель движения артели. Так, именно в «легендарном» плане наиболее отчетливо формируется понимание отставания как амбивалентной категории.

Судьба Лешки однозначно трагична: за свой дар он платит увечьем, постоянным чувством страха от мысли о том, что его бросили, и в конечном итоге смертью. Гибель Лешки-золотоискателя предсказывается с помощью мистического мотива встреч и бесед с умершим двоюродным братом. Это общение помогает герою не бояться смерти как перехода в другой мир (ведь артельщики избивают его не только с целью изувечить, но и «забить до смерти», так как он, желая этого, сеет раздор между ними, нарушая суровые законы жизни золотоискателей с редкими удачами и т. д.). Смерть Лешки (при всей ее предсказуемости) вместе с тем не исключает из повествования привнесенный этим образом жизнеутверждающий мотив чуда, преобразующего страшную реальность, чуда как формы инобытия, как способа возвыситься над бесчеловечными законами реальности, выйти за ее границы.

Легенда о Лешке-золотоискателе занимает центральное место в повести, которую пишет герой-рассказчик, так как сюжет отставания становится для него частью реальной жизненной ситуации, связанной с драмой неразделенной первой любви. Избранница героя-рассказчика – его однокурсница Лера – кажется нежной и женственной. Но потенциал образа (внутренняя сила Леры, цельность мировосприятия, значимость для нее идеи самопожертвования) не только привлекают, но и – отчасти – пугают героя.

В сознании Леры возникает идея служения как искупления чувства вины перед репрессированным отцом (жили отдельно от него, даже когда он был на поселении, не успели приехать: отец умирает, не дождавшись встречи с женой и дочерью). В сознании Леры происходит отождествление отца – как человека безвинно осужденного, страдающего – и другого (бывшего заключенного шофера Василия). При этом для Леры определяющим является именно факт пребывания в заключении (Василий – человек с крими-

нальным прошлым, получивший срок за реальное уголовное преступление). Герой-рассказчик оказывается в ситуации выбора: попытаться «спасти» Леру, убедить ее вернуться в Москву или принять выбор девушки. Герой-рассказчик переживает настоящую драму, и особенно остро он ощущает свое отставание от жизни (он мог, как многие его сокурсники, например, быть смелым, если не сказать наглым, эгоистичным, и тогда в ситуации с Лерой, возможно, был бы счастливый финал). Но образ рассказчика в определенной степени тождественен образу Леры: любовь так же понимается им как служение. Любя, он совершает ряд нелепых (с точки зрения обычного сознания) поступков, самым странным из которых становится моральная поддержка Леры в новых для нее жизненных обстоятельствах. Но для него формула настоящей любви связана со способностью жертвовать собой во имя счастья избранницы. Юноша готов ждать свою возлюбленную сколько угодно, но в конечном итоге она сама настойчиво просит его уехать. Так завершается любовная история рассказчика, оставившая в его душе глубокую рану: его воспоминания даже через много лет обстоятельны и болезненны.

Свою тоску герой повести пытается «заглушить» творчеством (провести сублимацию переживаний, по определению З. Фрейда). И этот метод, в самом деле, оказывается действенным. Однако написанная героем повесть не будет опубликована, так как сначала редактора журнала «Новый мир», куда приносит рукопись молодой человек, не окажется на месте, а в следующий раз его уже не окажется на посту редактора (в действительности А. Т. Твардовский был снят с поста главного редактора журнала «Новый мир» даже дважды: в 1954 году, после четырех лет работы, и в 1970, после 12 лет работы). В воспоминаниях рассказчика сохраняется ощущение повторения той же ошибки, что и в ситуации с Лерой – опоздание и неумение быть решительным и дальновидным (с ситуации с рукописью, например, он мог бы ее оставить в редакции).

Однако в некоторой степени это «отставание» воспринимается возрастным героем как позитивное: ведь его повесть была слишком наивной, его исповедь была слишком откровенной, и, вероятнее всего, повесть была бы отвергнута редактором, а если бы и была опубликована, то вызвала бы у повзрослевшего героя чувство неловкости. Что касается любовной истории, то именно эта «несбывшаяся» любовь формирует героя-рассказчика как личность, делает его сильным человеком (он многого достигает в жизни, практически всего, о чем мог когда-то мечтать).

Так, его «отставание» странным образом оборачивается обретением новых жизненных перспектив.

Мотив отставания соотносится в произведении также с «онирическим» сюжетом – историей болезни отца героя-рассказчика, которому снится один и тот же сон:

Опять и опять видит он свою картинку – грузовые машины одна за другой срываются с места, мчат, люди кричат, шофера огрызаются и наддают и еще наддают, припав к рулю, колеса скрежещут, одна, другая, пятая; взревела уже и последняя машина, и вот только тут из избы, сонный, поскользнувшись на снегу, выбегает мой отец, выбегает в числе самых последних. «Братцы! – кричит он, обжигая горло морозным воздухом. – Братцы!..» Но машины уже какой взяли разбег, он видит последнюю и потому в незаправленной рубахе, с шапкой, сбившейся на ухо, бежит ей вслед. Он, конечно, не догонит. Он просто уже не может, не в состоянии догнать. По крайней мере, он уже понимает, что отстал; сонный, полураздетый, он понимает это все больше и больше. Но бежит, все подтыкивая рукой свою нижнюю белую рубаху, по сути, в белье, подтыкивает и бежит – не надеясь и все же надеясь. Но вот он отстал. Серое бессолнечное морозное утро. Машина далеко. Он один посреди дороги [Маканин].

Ведущим компонентом сна отца рассказчика становится мучительное чувство страха, испытываемое пожилым человеком от осознания своего опоздания, своего одиночества, отстраненности от других, уезжающих на грузовике в неизвестном направлении. Цель этой поездки остается тайной. Однако хронологический период, с которым условно соотносим этот сон (тридцатые годы двадцатого века), предполагает как позитивный (строительство нового объекта как часть созидания нового мира и т. д.), так и негативный варианты (участие в какой-либо репрессивной деятельности, например). Так, вновь актуализируется смысловая неоднозначность категории отставания (ведь эта повторяющаяся во сне отца рассказчика негативная, с одной стороны, ситуация, оборачивается, с другой стороны, возможно, благом неучастия в чем-то преступном).

В произведение включаются также психологический и метафизический аспекты осмысления ситуации отставания:

Есть известное самодовольство – считать себя принадлежащим к отряду, к колонне, к артели, которые, внутри себя притираясь, шагают правильно и в меру быстро. А вот этих, иных, считать отставшими [Там же];

Духовная природа всякого отставания, вероятно, предполагает норму; предполагает, что где-то означена и существует норма, которая не допускает сомнений, что в ней, и только в ней, суть и смысл [Там же].

Так, первый, событийный, план произведения включается в параболическую смысловую траекторию, когда наблюдается перевоплощение «конкретно-реального в иносказательно-обобщенное» [Пестерев], что позволяет, как нам представляется, выявить в этом произведении наличие особого конструктивного принципа – притчевости.

Исследователи Н. Лейдерман и М. Липовецкий определили притчевость как характерную черту прозы второй половины двадцатого века, актуализирующую так называемую «просветительскую традицию», связанную с попыткой выхода из ситуации углубляющегося духовного кризиса на основе рационального знания о мире и человеке. Исследователи отмечали, что «именно в ситуации нравственно-этических поисков личности, когда возникает проблема ее „внутренних ресурсов“, основным объектом художественного осмысления становится разум человека и его воля» [Лейдерман, Липовецкий] (подобного рода искания отличают произведения Ю. Домбровского, Ю. Трифонова, В. Быкова, А. Адамовича, Д. Гранина, А. Вампилова, Г. Горина, А. и Б. Стругацких и других писателей). Среди выделенных исследователями типов произведений с притчеобразными конструкциями повесть В. Маканина «Отставший» является произведением, которое характеризуется наличием притчеобразной конструкции с фольклорно-мифологическим компонентом (такой тип произведений характерен для творчества Ч. Айтматова, Т. Пулатова, А. Кима и других писателей).

Конструктивный принцип притчевости реализуется в повести В. Маканина «Отставший» прежде всего через однотипное построение сюжетных линий. Все сюжеты произведения строятся по единой модели: частный, конкретный случай обобщается до бытийного, и в точке смыслового пересечения происходит его концептуализация.

Легенда о Лешке-золотоискателе является в этом плане смысловым ядром произведения. С одной стороны, она может восприниматься как вставная новелла, но, с другой стороны, в том числе и благодаря топосному соответствию с событиями реалистического плана (отец Леры был на поселении именно на реке Хоне, где в конечном итоге останется Лера и, следовательно, завершится история первой любви героя-рассказчика), является органичной частью единого художественного мира произведения, в котором легендарный и реалистический планы проецируются друг на друга.

Притчевость как конструктивный принцип реализуется в повести «Отставший» и через наличие особых фабульных типов, характерных для притчи как жанра. Рассматривая притчу с точки зрения структурных особенностей, исследователь А. Краснов выделяет два типа фабул притчи: «фабулу сакрального поведения» и «фабулу эксперимента» [Краснов]. «Фабула эксперимента», считает исследователь, определяется немотивированными, иногда ситуативно абсурдными действиями субъекта, направленными на достижение результатов испытания; присутствуют фигуры испытателя и испытуемых, чрезвычайно высок уровень аллегоричности и символичности, акцентируется сакральность текста. Основой текста, содержащего фабулу второго типа, является сакральное поведение субъекта. Бытовое в подобных фабулах органично связано с метафизическим уровнем осмысления событий.

В повести В. Маканина в определенной степени присутствуют оба выше названных фабульных варианта. В легенде о Лешке-золотоискателе доминирует «фабула сакрального поведения», так как герой является человеком «не от мира сего», «у-богим» в прямом значении этого слова (особенным, с божественным даром, но неспособным к самостоятельной полноценной жизни). Его поведение в реальности связано только с борьбой за выживание (страх отстать от артели, оказаться в одиночестве, что равносильно гибели, гонит его вперед). Места для отдыха, которые он выбирает, оказываются местами залежей золота, что символизирует причастность Лешки, им самим не осознаваемую, к сакральному плану бытия.

Некоторым образом «фабула сакрального поведения» реализуется и в судьбе соседа по даче отца рассказчика. Как уже было сказано выше, отец рассказчика к концу жизни мучается от тревожного, тяжелого чувства (скорее всего, чувства вины), которое на физическом уровне проявляется в виде постоянных мучительных снов. А его сосед по даче, впавший в детство (сумасшедший), постоянно счастлив (всем доволен, улыбчив, словоохотлив). Его поведение также сакрально: по странному стечению обстоятельств он часто оказывается рядом с отцом рассказчика, как бы демонстрируя последнему иные варианты жизни (без болей, жалоб, печалей). Эта сакральность поведения соседа разрушает устойчивое представление отца рассказчика о старости как времени горестей и болезней, вызывая у него чувство негодования и обиды («как хорошо устроилась!» [Маканин]).

В произведении отчасти имеется и вариант «фабулы эксперимента», когда герой-рассказчик

совершает странные действия. События в жизни героя-рассказчика, действительно, во многом алогичны. Так, в частности, абсурдной является роль рассказчика в «любовном треугольнике»: Лера, он сам, Василий. Но герой В. Маканина не проводит экспериментов в подлинном смысле этого слова, он, скорее, подчиняется идее традиционного понимания любви как высшей ценности и общепринятой позиции о необходимости способствовать счастью любимого человека, в том числе и путем отказа от собственного счастья. Правда, как нам кажется, в контексте произведения выявляется внутренняя несостоятельность этой идеи, но герой остается ей верен до конца, что и позволяет назвать его в некотором роде экспериментатором в области человеческих отношений. Кроме того, герой обладает даром убеждения, он старается *втянуть* [Там же] собеседника в свои переживания (это качество свойственно прежде всего творческим людям: писательский опыт рассказчика, следовательно, совершенно не случаен), а стремление включить собеседника (или читателя) в свой особенный мир, получив соответствующую реакцию, также представляется своеобразным психологическим экспериментированием.

Раскрывая специфику притчевости, Н. Лейдерман и М. Липовецкий также указывали, что одной из структурно-семантических особенностей притчи (и притчевых мотивов, образов) является подчиненность переднего (изобразительного, сюжетного) плана второму, метафизическому, плану [Лейдерман, Липовецкий]. В этом смысле можно выделить в повести целый ряд семантически емких образов, описаний, отдельных деталей предметного или психологического характера и т. д.

Так, при описании ситуации на одной из лекций, когда студенты передают друг другу экземпляры журнала «Новый мир», в сознании героя происходит символическая соотнесенность траекторий движения журналов с прихотливостью человеческих судеб, что во временной перспективе ассоциируется с разными судьбами – его и Леры:

Взаимное их перемещение уже тогда поддельвалось под некие две упрощенные судьбы. Левый экземпляр метался, как голубой мотылек, туда-сюда, в то время как правый, неприметный, словно бы замыслил пересечь тихо и без свидетелей все море студенческой аудитории, стремясь шаг за шагом, неуклонно к противоположному берегу [Маканин].

Обращают на себя внимание пейзажные зарисовки. Например, описание куста орешника, образ которого «отпечатывается» в сознании ге-

роя на одном из последних свиданий, когда он, естественно, находится в сломленном, подавленном состоянии:

<...> слева обломлен и смят, словно бы ссечен, да и правой половиной рос он куда-то вбок, неуверенный в себе, покалеченный куст... И я все смотрел и смотрел на необычную его наклоненность [Там же],

или описание расположенного на покатом склоне горы кладбища, символически отражающего идею диалектического единства жизни и смерти:

... Оградок тогда еще не ставили. Тут важно, как смотреть: валы равномерно скатывались на тебя с горы или, может быть, наоборот – один за одним убежали от тебя вдаль, вверх, а за валами только редкие обманывающие взгляд кусты. Ни крестов, ни звезд, только холмики – и словно бы огромные артели оставляли здесь своих отставших на обратном пути с гор [Там же].

Реализацией конструктивного принципа притчевости можно также считать наличие в произведении двух смысловых тенденций («центробежной» и «центростремительной»). С одной стороны, авторская концепция жизни постоянно подвергается деформации: в ней мало устойчивого, предсказуемого, даже ретроспективный план относителен и изменчив. Эта изменчивость, «центробежность» создается благодаря использованию приема параллельных сюжетов, а также параллельных интерпретаций одного и того же события. Например, судьба Лешки остается до конца не проясненной (пропал: отстал от артельщиков / сознательно бросил их / ушел к староверам / был убит). Двойственно и объяснение появления высоко в горах, на краю пропасти, двух скелетов: то ли разбойники, убившие, как они полагали, Лешку, были потрясены его, мертвеца, как они считали, преследованием и, потеряв от страха осторожность, сорвались с горы (Лешка, как неоднократно акцентируется в повести, более всего боялся остаться один и поэтому, собрав последние силы, старался догнать своих обидчиков), то ли это были скелеты спасающихся от жестокости людей влюбленных, которые, возможно даже, покончили жизнь самоубийством). Нет определенности ни в дальнейшей судьбе Леры, ни ее матери, ни отца рассказчика, ни даже самого рассказчика (его последующая после описываемых событий жизнь представлена довольно схематично).

Вместе с тем в произведении достаточно сильна и противоположная смысловая тенденция («центростремительная»), связанная с некоторыми четко обозначенными позициями авторской

концепции жизни. Прежде всего это связано с психологическим, экзистенциальным и метафизическим осмыслением лейтмотивной категории отставания, которая, как уже говорилось выше, характеризует практически всех значимых персонажей произведения. В авторской концепции жизни, как нам представляется, рассказчик, Лера, ее мать, Лешка включены в модель «символической» идентичности, то есть сознательно отождествляют себя с частью того или иного социального явления или объекта (коллектив, семья, любовная пара и т. д.). Наличие части закономерно предполагает наличие целостности, которая, в свою очередь, связана с понятиями структуры / иерархии / нормы. Следовательно, «символическая» идентичность всегда обрекает человека на принятие навязанного извне условного круга обстоятельств. «Реальная» идентичность (именно ее обретают рассказчик, Лера, ее мать) предполагает разрушение иерархий и тем самым осознание и принятие личностью своего сущностного «я». В ситуации «реальной» идентичности категория отставания вообще отсутствует.

В метафизическом плане категория отставания предстает как амбивалентная, предполагающая разрушение однозначной негативной коннотации (наиболее явственно эта специфика отражена в легендарном сюжете о Лешке-золотискателе). В «отрицательном» аспекте амбивалентность отставания реализуется в «онирическом» сюжете: отец героя всегда воспринимал жизнь только линейно, функционально, и в пограничной ситуации (возраст героя позволяет с некоторой долей условности использовать это определение) «метафизическое измерение» настигает его, заставляя через мучительно повторяющееся эмоциональное состояние обретать иной уровень восприятия мира. Амбивалентность ситуации отставания для героя-рассказчика включает в себя разомкнутость границ его собственной судьбы и осуществление им «самобытия-в-мире» («истории» и «пространства» самобытия» [Трунов]). Отставание, таким образом, оборачивается самореализацией личности через доверие себе и миру. Тем самым конструируется авторская концепция жизни, связанная с включения бытового, внешне реализуемого сюжета человеческой жизни в полностью не проясненный, сакральный, но однозначно осознаваемый автором бытийный сюжет.

Итак, повесть В. Маканина «Отставший» отличается множественностью смыслов (социальных, исторических, экзистенциальных, метафизических); притчевость как конструктивный принцип способствует их выявлению и раскры-

тию, а также детерминирует структурно-семантическую целостность произведения.

#### Список литературы

Климова Т. Ю. Метанарративные стратегии прозы В. Маканина // Вестник Томского государственного университета. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metanarrativnye-strategii-prozy-v-makanina> (дата обращения: 08.08.2017).

Краснов А. Г. Притча в русской и западноевропейской литературе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/pritcha-v-russkoy-i-zapadnoevropeyskoy-literature-xx-veka> (дата обращения: 08.08.2017).

Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература в 2-х томах. Т. 2 (1968–1990). URL: [http://modernlib.ru/books/leyderman\\_n/sovremennaya\\_russkaya\\_literatura\\_19501990e\\_godi\\_tom\\_2\\_19681990/read\\_1](http://modernlib.ru/books/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_19501990e_godi_tom_2_19681990/read_1) (дата обращения: 08.08.2017).

Маканин В. Отставший. URL: [http://modernlib.ru/books/makanin\\_vladimir\\_semenovich/otstavshiy/read\\_1/](http://modernlib.ru/books/makanin_vladimir_semenovich/otstavshiy/read_1/) (дата обращения: 08.08.2017).

Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/П/pesterev-valerij-aleksandrovich/modifikacii-romanoj-formi-v-proze-zapada-vtoroj-polovini-hh-stoletiya/3> (дата обращения: 08.08.2017).

Трунов Д. Феноменология самопознания: концепция множественного «я»: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Пермь, 2010. URL: <http://vak1.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/TrunovDG.pdf> (дата обращения: 08.08.2017).

#### References

Klimova, T. Yu. (2010). *Metanarrativnye strategii prozy V. Makanina* [Metanarrative Strategies of V. Makanin's Prose]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metanarrativnye-strategii-prozy-v-makanina> (accessed: 08.08.2017). (In Russian)

Krasnov, A. G. (2005). *Pritcha v russkoi i zapadnoevropeiskoi literature XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Parable in Russian and Western European Literature of the Twentieth Century: Ph.D. Thesis Abstract]. Samara, URL: <http://cheloveknauka.com/pritcha-v-russkoy-i-zapadnoevropeyskoy-literature-xx-veka> (accessed: 08.08.2017). (In Russian)

Leiderman, N., Lipovetskii, M. *Sovremennaiia russkaia literatura v 2-kh tomakh* [Modern Russian Literature in Two Volumes]. Т. 2 (1968–1990). URL: [http://modernlib.ru/books/leyderman\\_n/sovremennaya\\_russkaya\\_literatura\\_19501990e\\_godi\\_tom\\_2\\_19681990/read\\_1](http://modernlib.ru/books/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_19501990e_godi_tom_2_19681990/read_1) (accessed: 08.08.2017). (In Russian)

Makanin, V. *Ostavshii* [The Straggler]. URL: [http://modernlib.ru/books/makanin\\_vladimir\\_semenovich/otstavshiy/read\\_1/](http://modernlib.ru/books/makanin_vladimir_semenovich/otstavshiy/read_1/) (accessed: 08.08.2017). (In Russian)

Pesterev, V. A. *Modifikatsii romannoi formy v proze Zapada vtoroi poloviny XX stoletia* [Modifications of the Novel Form in the Prose of the West in the Second Half of the Twentieth Century]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/P/pesterev-valerij-aleksandrovich/modifikacii-romannoj-formi-v-proze-zapada-vtoroj-polovini-hh-stoletiya/3> (accessed: 08.08. 2017). (In Russian)

Trunov, D. (2010). *Fenomonologiya samopoznaniia: kontseptsia mnozhestvennogo "ia": avtoref. dis. ... dokt filosof. nauk* [Phenomenology of Self-knowledge: The Concept of the Multiple "I": Doctoral Thesis Abstract]. Perm', URL: <http://vak1.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/TrunovDG.pdf> (accessed: 08.08.2017). (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2017

Поступила в редакцию 27.05.2017

**Васильева-Шальнева Татьяна Борисовна**,  
кандидат филологических наук,  
доцент,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
[t.b.vs@list.ru](mailto:t.b.vs@list.ru)

**Vasileva-Shalneva Tatiana Borisovna**,  
Ph.D. in Philology,  
Associate Professor,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
[t.b.vs@list.ru](mailto:t.b.vs@list.ru)